

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЗЕЛИХА МАГОМАДОВА против РОССИИ»

(Жалоба № 58724/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 октября 2019 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

8 января 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Зелиха Магомадова против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Палатой в составе:

Винсент Э. Де Газтано, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Мария Элосеги,
Гилберто Феличи,
Эрик Веннерстром, *судьи*,
и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,
проведя 17 сентября 2019 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 58724/14) против Российской Федерации, поданной в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданкой Российской Федерации Зелихой Халитовной Магомадовой (далее – «заявительница») 26 августа 2014 года.

2. Интересы заявительницы представляли юристы «Правовой инициативы по России», неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в Москве и Республике Ингушетия, а также юристы автономной некоммерческой организации с главным офисом в Москве «Правовое Содействие – Астрейя». Интересы Властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии – его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявительница жаловалась, в частности, на то, что внутригосударственные органы власти лишили ее родительских прав, ссылаясь на нехватку общения с детьми, что нарушило ее право на уважение семейной жизни, предусмотренное статьей 8 Конвенции.

4. 24 августа 2015 года было принято решение о применении правила 41 Регламента Суда о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке.

5. 3 ноября 2015 года Власти были уведомлены о вышеуказанных жалобах, а остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 Правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница, 1980 года рождения, проживает в станице Ищерская Чеченской Республики.

7. Заявительница вышла замуж за сотрудника милиции М.Б., который погиб в июне 2006 года при исполнении служебных обязанностей. У них было пять дочерей: Э., 1997 года рождения, И., 1999 года рождения, Т., 2000 года рождения, Эл., 2002 года рождения, и Ир., 2003 года рождения. У них также был сын Р., который родился в 2006 году через 3 месяца после гибели М.Б.

А. Предыстория

8. После смерти М.Б. заявительница продолжила проживать со своими детьми в частном доме в с. Бетти-Мохк Чеченской Республики, неподалеку от родственников ее покойного мужа. По словам заявительницы, эти родственники оказывали на нее давление, чтобы завладеть домом М.Б. и пенсией по случаю потери кормильца, на которые она имела право. В частности, по словам заявительницы, отец М.Б. заставил ее выдать ему доверенность на получение пенсии от ее имени, в результате чего заявительнице приходилось просить у него деньги на содержание детей.

9. 15 февраля 2010 года у заявительницы произошел конфликт с Э.Б., братом М.Б., который ударил ее по голове несколько раз, причинив ей черепно-мозговую травму. В тот же день Э.Б. увез заявительницу в дом ее матери в станице Ищерская и оставил ее там. Тем самым заявительницу разделили с ее детьми. По ее словам, родственники ее мужа забрали ее личные документы, в том числе паспорт, мобильный телефон и личные вещи. Они сказали, что она получит свой паспорт обратно, только если она откажется от родительских прав на своих детей, которые остались проживать с родственниками М.Б. – каждый из братьев М.Б. взял себе по одному ребенку заявительницы.

10. По утверждению заявительницы, эта ситуация возникла потому, что у нее самой не было родственников мужского пола.

11. Заявительница была лишена доступа к своим детям с 15 февраля 2010 года.

12. 20 марта 2010 года заявительница обратилась в районную прокуратуру с письменной жалобой на вышеупомянутые события. Она искала защиты у правоохранительных органов, утверждая, что родственники М.Б. угрожают ей физическим насилием. 16 июня 2010 года она направила аналогичную жалобу в адрес Уполномоченного по

правам человека в Чеченской Республике. Как представляется, в отношении этих жалоб не было предпринято никаких действий.

13. 20 апреля 2010 года заявительница получила медицинскую справку, подтверждающую, что в 2010 году ей была нанесена черепно-мозговая травма.

Б. Первый этап производства по лишению заявительницы родительских прав и определения места жительства детей

14. Административным решением от 14 апреля 2010 года Э.Б. был назначен законным опекуном детей заявительницы. По словам заявительницы, она никогда не выражала свое согласие с данным решением и не знала о нем.

15. 27 апреля 2010 года Э.Б. обратился в суд с требованием лишить заявительницу родительских прав в отношении детей, утверждая, что она грубо пренебрегла своими родительскими обязанностями. В частности, он утверждал, что она не воспитывала их должным образом, не обеспечивала их едой и надлежащими условиями жизни, а также плохо обращалась с ними. Он также заявлял, что заявительница оставила детей в феврале 2010 года, уехав в станицу Ищерская, где и проживает с тех пор.

16. Заявительница подала встречный иск, жалуясь на то, что родственники ее покойного мужа препятствуют контактам между ней и ее детьми. Она оспорила административное решение от 14 апреля 2010 года (см. пункт 14 выше) и пыталась добиться того, чтобы ее дети проживали с ней по ее нынешнему адресу в станице Ищерская.

17. Наурский районный суд рассмотрел дело 10 августа 2010 года.

18. На слушании 10 августа 2010 года заявительница настояла на своих требованиях. Она утверждала, что родственники ее покойного мужа стремятся лишить ее родительских прав лишь для того, чтобы присвоить пенсию, на которую она и ее дети имели право по случаю потери М.Б., единственного кормильца в их семье. Она настаивала на том, что они начали производство по лишению родительских прав лишь после того, как она аннулировала доверенность, которая позволяла им получать деньги от ее имени. Заявительница описала инцидент 15 февраля 2010 года (см. пункт 9 выше) и отметила, что именно в этот день родственники М.Б. разлучили ее с ее детьми и с тех пор не допускают никаких контактов между ними. Она также заявила, что родственники М.Б. пытаются настроить детей против нее, утверждая, что она была плохой матерью и вела себя безнравственно, поскольку у нее были связи с неизвестными мужчинами. Заявительница отметила, что ей пришлось поклясться на Коране перед родственниками ее мужа в том, что у нее не было подобных любовных связей. Она также настаивала на том, что она любит своих детей, хочет, чтобы они жили с ней, и не прекратит попыток забрать их.

19. Представители двух районных органов опеки и попечительства заявили, что у них нет доказательств того, что заявительница пренебрегла своими родительскими обязанностями или не смогла воспитать своих детей по какой-либо причине. Следовательно, не было никаких оснований лишать ее родительских прав: подобная мера не отвечает интересам детей.

20. Наурский районный суд изучил заключение психологической экспертизы детей заявительницы, в котором говорилось, что длительная разлука с матерью причиняет им глубокую травму, вызывая у них беспокойство и стресс. В заключении также отмечалось, что интуитивно дети все еще испытывают положительные эмоции к своей матери и нуждаются в ее любви и заботе. Экспертиза также выявила недостаточную эмоциональную привязанность детей к родственникам их покойного отца. Они не считали этих людей своей семьей. На слушании эксперт подтвердил содержащиеся в протоколе выводы.

21. Наурский районный суд также отклонил доводы Э.Б. о том, что заявительница не выполняет свои родительские обязанности, отметив отсутствие каких-либо доказательств этому. Суд также установил, что не было оснований лишать заявительницу родительских прав в отношении ее шестерых детей, и отклонил иск Э.Б. Суд также удовлетворил встречный иск заявительницы и отменил административное решение от 14 апреля 2010 года, которым Э.Б. был назначен законным опекуном детей, а также распорядился, чтобы дети проживали с заявительницей по ее адресу в станице Ищерская.

22. 14 сентября 2010 года Верховный суд Чеченской Республики оставил решение от 10 августа 2010 года без изменений в кассационном порядке.

В. Исполнительное производство

23. Два исполнительных листа были выданы 10 августа 2010 года; как следует из материалов дела, в первом было отдано распоряжение о проживании детей заявительницы по ее домашнему адресу, а во втором было отдано распоряжение об отмене опеки Э.Б. в отношении детей заявительницы.

24. Попытка заявительницы получить доступ к своим детям оказалась безуспешной, поскольку родственники М.Б. отказались выполнять указанные выше судебные решения.

25. 10 марта 2011 года заявительница обратилась в службу судебных приставов Чеченской Республики с письменной жалобой на невозможность получить доступ к своим детям и потребовала принудительного исполнения решения от 10 августа 2010 года, оставленного без изменений в кассационном порядке 14 сентября 2010 года.

26. Постановлением от 22 марта 2011 года Ножай-Юртовский районный отдел судебных приставов УФССП России по Чеченской Республике (далее – «служба судебных приставов Ножай-Юртовского района») отказал в возбуждении исполнительного производства и вернул заявительнице первый исполнительный лист. Служба судебных приставов Ножай-Юртовского района указала, что исполнительный лист, представленный заявительницей, не отвечал соответствующим требованиям национального законодательства об исполнении судебных решений, и, в частности, резолютивная часть решения от 10 августа 2010 года «[не содержала] никаких требований в отношении того, что ответчик обязан передать истцу собственность или денежные суммы, либо совершить определенные действия, либо воздержаться от их совершения».

27. 26 мая 2011 года служба судебных приставов Ножай-Юртовского района вынесла аналогичное постановление в отношении второго исполнительного листа, сославшись на те же причины.

28. 15 июня 2011 года заявительница направила в Наурский районный суд письменную жалобу. Она указала на произвольные отказы судебных приставов исполнить решение суда от 10 августа 2010 года в части, касающейся распоряжения о проживании ее детей по ее адресу и отмены юридической опеки Э.Б. в отношении детей, и попросила суд разъяснить его решение от 10 августа 2010 года соответственно.

29. 13 июля 2011 года заявительница направила аналогичную жалобу в Наурский районный суд, жалуюсь на то, что ее предыдущая жалоба была оставлена без ответа, и что решение от 10 августа 2010 года так и не было исполнено. Судя по всему, заявительница так и не получила ответа ни на одну из своих жалоб.

30. По заявлению Властей, у ответственного судебного пристава не было формальных оснований для отказа в приведении в исполнение судебного решения, поэтому он должен быть привлечен к ответственности в рамках дисциплинарного судопроизводства; однако срок его дисциплинарного взыскания истек к тому времени, когда Власти представили свои замечания, поэтому 4 февраля 2016 года он был уволен со службы судебных приставов. 11 февраля 2016 года прокуратура Ножай-Юртовского района Чеченской Республики направила материалы, использованные при проверке действий судебного пристава, в соответствующее следственное управление для дальнейшего расследования и, при необходимости, инициирования в отношении него уголовного преследования за незаконный отказ от исполнения решения суда в пользу заявительницы.

Г. Возобновление рассмотрения дела на основании вновь открывшихся обстоятельств

31. 17 июня 2011 года по ходатайству Э.Б. Наурский районный суд отменил свое решение от 10 августа 2010 года со ссылкой на «вновь открывшиеся обстоятельства», указав следующее:

«Когда суд выносил свое решение [от 10 августа 2010 года], он не знал о том факте, что [заявительница] сожительствовала с безработным мужчиной без определенного места проживания и совместно с ним тратила все деньги, выделенные ей государством на поддержку детей, поскольку они остались без кормильца. [Э.Б.] также не знал об этом факте, когда было вынесено решение [от 10 августа 2010 года]. В поддержку своей жалобы [Э.Б.] представил свидетельства двух лиц, которые могли подтвердить, что [заявительница] ведет неправильный (аморальный) образ жизни.

В данных обстоятельствах суд считает, что жалоба [Э.Б.] обоснована и должна быть удовлетворена».

32. Таким образом, суд постановил возобновить разбирательство.

33. 30 июня 2011 года заявительница обжаловала постановление от 17 июня 2011 года в вышестоящий суд. Она указала, что информация о том, что она сожительствует с мужчиной, является неверной, и что в любом случае такую информацию нельзя рассматривать как «вновь открывшиеся обстоятельства» по смыслу соответствующих положений внутригосударственного права о гражданском процессе.

34. Постановлением от 26 августа 2011 года Верховный суд Чеченской Республики оставил постановление от 17 июня 2011 года без изменений в апелляционном порядке, поддержав аргументацию Наурского районного суда.

Д. Второй этап производства по лишению заявительницы родительских прав и определению места жительства детей

1. Психологическая экспертиза

35. В рамках нового этапа разбирательств Наурский районный суд назначил психологическую экспертизу трех старших дочерей заявительницы.

36. В протоколе от 24 января 2012 года эксперты указали, что на тот момент у детей наблюдалось явное негативное отношение к матери. В заключении также говорилось, что девочки чувствуют себя комфортно и безопасно, проживая со своим дядей Э.Б., и что их изъятие из привычной среды может причинить им травму, поскольку процесс их адаптации к новым условиям жизни и обстановке может быть довольно болезненным. В то же время, в отчете указывалось, что экспертиза выявила недостаточную эмоциональную привязанность детей к родственникам, с которыми они в настоящее время живут; дети не считали этих людей своей семьей.

37. В заключении указано, что попытки насильственного разрыва естественных связей между детьми и их матерью могут оказать губительное влияние, которое негативно отразится на будущей жизни детей, и что заявительница, будучи их матерью, должна иметь к ним беспрепятственный доступ.

2. Разбирательство в суде

38. На слушании Э.Б. утверждал, что заявительница не заботилась о своих детях и вела неправильный образ жизни, а также заявил, что ее видели в автомобилях то с одним, то с другим мужчиной в позднее время. По его словам, в феврале 2010 года он увидел ее в машине с мужчиной, поссорился с ней и отвез ее к матери в станицу Ищерская. По утверждению Э.Б., заявительница будет тратить пенсию по случаю потери кормильца в ее семье на себя, тогда как именно он материально поддерживал ее детей. Он также заявил, что с момента вынесения решения от 10 августа 2010 года, оставленного без изменения 14 сентября 2010 года, заявительница не предприняла никаких шагов для воссоединения с детьми; она несколько раз приезжала в деревню, в которой они жили, но не пыталась их увидеть, что, по мнению Э.Б., является показателем того, что она пренебрегла своими родительскими обязанностями.

39. Заявительница подала встречный иск и попросила суд установить, что ее дети должны проживать с ней, а также отменить опеку Э.Б. в отношении них. На слушании она повторила заявления, которые она сделала в ходе разбирательства 2010 года (см. пункт 18 выше). Она также добавила, что не могла видеть своих детей после вступления в силу решения от 10 августа 2010 года, оставленного без изменения 14 сентября 2010 года, поскольку все ее попытки обеспечить его исполнение оказались тщетными – служба судебных приставов отказалась принимать какие-либо меры для обеспечения его соблюдения. Она утверждала, что отправилась в деревню, где жили родственники ее покойного мужа и ее дети, но боялась навещать своих детей из-за угроз родственников ее покойного мужа; ее уже избил Э.Б., который запретил ей приходить в их деревню. Поскольку у нее не было своих родственников мужского пола, она поехала туда с людьми, которые подвезли ее.

40. Суд также заслушал ряд свидетелей со стороны заявительницы и свидетелей, выступавших против нее, а также представителей районных органов опеки и попечительства и прокурора. Он также заслушал трех старших дочерей заявительницы, которые объяснили свое крайне негативное отношение к их матери тем фактом, что она не заботилась о них должным образом, вела «неправильный» образ жизни и покинула их два года назад. Они также выразили желание остаться со своим дядей, Э.Б.

3. Решение от 31 января 2012 года

41. Наурский районный суд рассмотрел дело 31 января 2012 года.

42. Суд признал утверждение о неправильном образе жизни заявительницы неубедительным и заявил, что тот факт, что некоторые свидетели видели ее в машине с незнакомцами, которые несколько раз ее подвозили, не может считаться доказательством ее безнравственности. Суд также отметил, что в любом случае статья 69 Семейного Кодекса Российской Федерации (см. пункт 73 выше) содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав, и что безнравственность не входит в их число.

43. Наурский районный суд также установил, что в отсутствие каких-либо достоверных свидетельских показаний на этот счет не было доказано, что заявительница когда-либо избегала своих родительских обязанностей в отношении своих детей. Суд критически оценил показания трех старших дочерей заявительницы и отметил, что последние два года они проживали с Э.Б. и не общались с матерью. Следовательно, суд оставил без удовлетворения иск Э.Б. о лишении заявительницы родительских прав в отношении ее детей.

44. Ссылаясь на протокол от 24 января 2012 года (см. пункты 36 - 37 выше), суд также отметил: если учитывать тот факт, что к этому моменту дети жили с Э.Б. в течение двух лет и чувствовали себя комфортно в одном доме с его семьей, продолжать жить со своим дядей было бы в их интересах. Заявительница разделяет это мнение, утверждая, что из-за крайне враждебного отношения ее детей к ней у нее могут возникнуть трудности в общении с ними, поэтому она не будет возражать, если они останутся с Э.Б. В то же время она попросила суд определить свои права на общение со своими детьми, чтобы она могла забирать их по своему домашнему адресу два раза в месяц, а также в государственные праздники и школьные каникулы.

45. Таким образом, суд постановил, что дети заявительницы должны остаться проживать в месте пребывания Э.Б., и что его законная опека в отношении них должна быть сохранена. Он также постановил, что у заявительницы должно быть право забирать детей к себе домой каждые первые и последние выходные месяца на время с 10:00 субботы до 16:00 воскресенья, а также на время государственных праздников с 10:00 до 10:00 следующего дня. Суд также запретил Э.Б. препятствовать общению заявительницы с ее детьми.

46. Данное решение от 31 января 2012 года не было обжаловано и вступило в силу 1 марта 2012 года.

Е. Исполнительное производство

47. В период со 2 апреля по 30 июля 2012 года заявительница безуспешно пыталась получить исполнительный лист в Наурском районном суде.

48. 6 июня 2012 года заявительница в письменной форме подала жалобу в Верховный суд Чеченской Республики на то, что Наурский районный суд не выдал ей исполнительный лист. Она упомянула о своих многочисленных попытках получить исполнительный лист и заявила, что в отсутствие этого документа она не могла добиться исполнения решения от 31 января 2012 года, так как Э.Б. отказался его соблюдать.

49. 20 июня 2012 года Наурский районный суд изготовил исполнительный лист, но заявительница смогла получить его лишь 30 июля 2012 года. Она незамедлительно отправила его в компетентную службу судебных приставов для исполнения.

50. Исполнительное производство было возбуждено 6 августа 2012 года.

51. По мнению властей, 27 августа 2012 года судебный пристав службы судебных приставов Ножай-Юртовского района получил письменное заявление от Э.Б., подтверждающее, что он не будет препятствовать контакту заявительницы с ее детьми; Э.Б. сообщили, что он может получить административное наказание, если он не выполнит решение от 31 января 2012 года. Копия соответствующего документа была представлена в Суд.

52. 13 сентября 2012 года заявитель подала в службу судебных приставов Чеченской Республики жалобу на бездействие судебных приставов и неисполнение решения от 31 января 2012 года. В частности, она жаловалась на то, что неоднократно по телефону и лично просила ответственного судебного пристава обеспечить исполнение решения, сопровождать ее в деревню, где жили дети, и помочь ей установить с ними контакт. Однако судебный пристав ни разу не сопровождал ее; он лишь сослался на то, что наложил обязательство на Э.Б. не препятствовать ее контакту с детьми, и пригласил ее обратиться за помощью к местным органам опеки и попечительства для решения этого вопроса, заявив, что он ничего не мог сделать.

53. 8 мая 2013 года заявительница направила аналогичную жалобу в Федеральную службу судебных приставов России. Она снова описала бездействие судебных приставов и ее многочисленные просьбы о приведении решения в исполнение.

54. Постановлением от 18 июня 2013 года главный судебный пристав службы судебных приставов Ножай-Юртовского района отклонил как необоснованную жалобу, поданную заявительницей в отношении бездействия судебных приставов в тот же день. В своем постановлении главный судебный пристав указал, в частности, что ходатайство заявительницы о предоставлении помощи судебного пристава в обеспечении ее контакта с детьми в выходные и праздничные дни, как определено соответствующим решением, противоречило соответствующему законодательству, которое

предусматривает, что в выходные и праздничные дни принудительные меры могут быть приняты только в исключительных случаях.

55. 9 декабря 2013 года служба судебных приставов Ножай-Юртовского района прекратила исполнительное производство в отношении решения от 31 января 2012 года на том основании, что это решение было отменено.

56. По мнению Властей, 12 февраля 2016 года прокуратура Ножай-Юртовского района Чеченской Республики (далее – «прокуратура») подала протест против постановления от 9 декабря 2013 года с исполняющим обязанности начальника судебного пристава Службы судебных приставов Ножай-Юртовского района. Прокуратура, в частности, указала, что, хотя ответственный судебный пристав прекратил соответствующее исполнительное производство со ссылкой на отмену решения от 31 января 2012 года, судебного постановления об отмене этого решения в материалах дела также не было, а также не было любого другого соответствующего судебного постановления, поэтому прекращение исполнительного производства было незаконным. После этого возражения 18 февраля 2016 года служба судебных приставов Ножай-Юртовского района возобновила исполнительное производство в отношении решения от 31 января 2012 года. В тот же день служба судебных приставов Ножай-Юртовского района направила в Ножай-Юртовский районный суд заявление с просьбой прекратить исполнительное производство в отношении решения от 31 января 2012 года ввиду противоречия между этим решением и решением 3 октября 2013 года (см. пункты 62-65 ниже). Результат данной жалобы неизвестен.

Ж. Лишение родительских прав

57. В неустановленную дату в июле 2013 года Э.Б. подал новый иск в Наурский районный суд с просьбой лишить заявительницу родительских прав в отношении ее детей. Он заявил, что она не связывалась со своими детьми более трех лет, не участвовала в их воспитании и не оказывала им финансовую поддержку.

1. Разбирательства в суде первой инстанции

58. В ходе соответствующего слушания, Э.Б., два представителя органов опеки и попечительства и прокурор настаивали на том, что заявительница должна быть лишена родительских прав. Они утверждали, что после вступления в силу решения от 31 января 2012 года заявительница не предпринимала никаких попыток связаться со своими детьми, в том числе с двумя старшими дочерьми, которые больше не проживали с Э.Б., поскольку переехали в г. Грозный на учебу. Заявительница не пыталась встретиться с другими детьми в школе и не просила у соответствующих органов опеки и

попечительства помочь ей связаться с детьми. Э.Б. также заявил, что дети не хотят видеть свою мать, так как «она опозорила их» своим неправильным образом жизни.

59. Заявительница утверждала, что, поскольку родственники ее покойного мужа заставили ее уехать в 2010 году, она не видела своих детей и никак не влияла на них. После вступления в силу решения суда от 31 января 2012 года она неоднократно обращалась за помощью к судебным приставам, прося помощи в организации встречи с детьми, но ответственный судебный пристав отказался сопровождать ее в деревню, где жили ее дети, и она сама боялась идти туда сама из-за угроз физического насилия со стороны родственников мужа. Она также заявила, что, поскольку родственники М.Б. настроили детей против нее, ее попытки связаться с двумя старшими дочерьми в медицинском колледже в г. Грозном, в котором они учились, оказались безуспешными, поскольку девочки попросту отказывались разговаривать с ней. Заявительница решительно настаивала на том, что она никогда не избегала своих родительских обязанностей и никогда не отказывалась воспитывать своих детей; она подтвердила свое намерение поддерживать с ними отношения.

60. Ответственный судебный пристав П. заявил, что он должным образом возбудил исполнительное производство по решению от 31 января 2012 года, и что он один раз встретился с заявителем и объяснил ей, как должно исполняться решение. Он также взял с Э.Б. расписку, в которой тот обещал не препятствовать заявителю общаться с ее детьми. Судебный пристав добавил, что заявительница должна была приехать в Ножай-Юрт, чтобы он мог исполнить решение, но она приехала лишь один раз всего на пять минут, тем самым лишив его достаточных возможностей исполнить решение.

61. Суд вызвал и заслушал двух старших дочерей заявительницы, которые повторили свои показания, сделанные в ходе разбирательства в 2012 году. В частности, они утверждали, что не хотели видеться с заявителем, поскольку она «опозорила их, вступая в связь с неизвестными мужчинами».

2. Решение от 3 октября 2013 года

62. Наурский районный суд рассмотрел дело 3 октября 2013 года.

63. Суд не был убежден доводом заявительницы о том, что судебный пристав не содействовал контакту с детьми, который был определен решением от 31 января 2012 года. Он указал, что заявительница могла попытаться встретиться с ними в школе или, что касается ее двух старших дочерей, в медицинском колледже, что она могла попросить помощи у местных органов опеки и попечительства, и что она могла оказывать детям финансовую поддержку, поскольку получала от государства пенсию. Суд также отметил, что с момента вступления в силу решения от 31 января 2012 года заявительница не

сделала ничего из вышеперечисленных вещей, что, по мнению суда, указывало на то, что она избегала воспитания своих детей.

64. Наурский районный суд также сослался на мнение двух старших дочерей заявительницы (см. пункт 61 выше). Суд отметил, что, несмотря на то, что заявительнице было предоставлено время для того, чтобы исправить ситуацию, спустя полтора года враждебное отношение ее детей к ней не изменилось.

65. Таким образом, суд пришел к выводу, что иск Э.Б. должен быть удовлетворен, поскольку заявительница «избегала воспитания своих детей», и, следовательно, она должна быть лишена родительских прав в соответствии со статьей 69 Семейного кодекса Российской Федерации (см. пункт 73 ниже). Он также распорядился, что она должна выплачивать алименты на содержание своих детей и выплачивать их Э.Б., опекуну детей.

3. Апелляционное производство

66. 25 февраля 2014 года Верховный суд Чеченской Республики оставил решение суда первой инстанции без изменений в апелляционном порядке, поддержав аргументацию суда первой инстанции.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

A. Семейный кодекс Российской Федерации

1. Правовые положения, касающиеся защиты прав ребенка

67. Каждый ребенок, то есть лицо, не достигшее возраста 18 лет, имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Ребенок имеет право на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства (ст. 54).

68. Ребенок имеет право на общение с обоими родителями, дедушками, бабушками, братьями, сестрами и другими родственниками (п. 1 ст. 55).

69. Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе судебного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (статья 57).

2. Положения о правах и обязанностях родителей

70. Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами (п. 1 ст. 63).

71. Родитель, проживающий отдельно от своего ребенка, имеет право на личный контакт с ребенком, право участвовать в его воспитании и принимать решения по вопросам, касающимся образования ребенка. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка и его нравственному развитию (п. 1 ст. 66).

72. Родители имеют право требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного постановления. В случае возникновения спора родители вправе обратиться в суд за защитой своих прав. При рассмотрении этих требований суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей, если придет к выводу, что передача ребенка родителям не отвечает интересам ребенка (п. 1 ст. 68).

73. Родители могут быть лишены родительских прав, если они: уклоняются от выполнения родительских обязанностей, в том числе от обязанности платить алименты; отказываются забирать своего ребенка из родильного дома либо из иной медицинской организации, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты населения или из аналогичных организаций; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией; или совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруга (ст. 69).

74. Родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания, а также право на льготы и государственные пособия (п. 1 ст. 71).

Б. Судебная практика

75. В своем постановлении № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» от 27 мая 1998 года с поправками от 6 февраля 2007 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в частности, указал следующее:

«...»

11. Родители могут быть лишены судом родительских прав по основаниям, предусмотренным в ст. 69 Семейного Кодекса Российской Федерации, только в случае их виновного поведения.

...

12. ... Не могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои родительские обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, [в случае развития у человека] психического расстройства или иного хронического заболевания ...)

...

13. Судам следует учитывать, что лишение родительских прав является крайней мерой. В исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд, с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств, вправе отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей, возложив на органы опеки и попечительства контроль за выполнением им родительских обязанностей».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

76. Заявительница жаловалась на то, что внутригосударственные органы лишили ее родительских прав, ссылаясь на отсутствие общения с детьми, что нарушило ее право на уважение семейной жизни, предусмотренное статьей 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Приемлемость жалобы

77. Власти Российской Федерации указали, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, действовавший на тот момент, установил двухуровневую кассационную процедуру обжалования постановлений суда, принятых на первых двух уровнях юрисдикции, которая была признана Судом в качестве эффективного средства защиты в решении Европейского Суда от 12 мая 2015 года по делу «Абрамян и другие против России» (*Abramyan and Others v. Russia*), жалобы №№ 38951/13 и 59611/13). Таким образом, они

утверждали, что заявительница не исчерпала доступные ей эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, не подав кассационные жалобы на судебные решения судов нижестоящей инстанции.

78. Ссылаясь на постановление Европейского Суда от 29 марта 2016 года по делу «Кочеров и Сергеева против России» (*Kocherov and Sergeyeva*), жалоба № 16899/13, заявительница утверждала, что, когда она подала жалобу в Суд, она не знала, что он рассмотрит новую кассационную процедуру в качестве эффективного средства правовой защиты. Она отметила, что подала свою жалобу в августе 2014 года, в то время как упоминавшееся выше решение по делу «Абрамян и другие против России» было вынесено только в мае 2015 года.

79. Суд отклонил аналогичные возражения со стороны государства-ответчика во многих делах, в которых заявители подавали свои жалобы до того, как Суд вынес упоминавшееся выше решение по делу «Абрамян и другие против России»; см., например, постановление Европейского Суда от 15 марта 2016 года по делу «Новрук и другие против России» (*Novruk and Others v. Russia*), жалобы №№ 31039/11 и 4 другие, пункты 70-76; см. упоминавшееся выше постановление по делу «Кочеров и Сергеева против России», пункты 64-69; постановление Европейского Суда от 18 июля 2017 года по делу «Макилрот против России» (*McIlwrath v. Russia*), жалоба № 60393/13, пункты 85-95; постановление Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Элита Магомадова против России» (*Elita Magomadova v. Russia*), жалоба № 77546/14, пункты 40-44; и постановление Европейского Суда от 18 декабря 2018 года по делу «Хуснутдинов и X против России» (*Khusnutdinov and X v. Russia*), жалоба № 76598/12, пункты 65-66.

80. Суд не видит каких-либо оснований для иного заключения по настоящему делу. Заявительница подала жалобу в Суд 26 августа 2014 года, то есть до признания Судом измененной двухэтапной процедуры кассационного обжалования эффективным средством правовой защиты (см. упоминавшееся выше решение по делу «Абрамян и другие против России», пункты 76-96). Она больше не могла воспользоваться этим средством правовой защиты, поскольку срок его использования истек. Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

81. Европейский Суд отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Обстоятельства дела

82. Суд считает необходимым с самого начала пояснить, что изучение им дела ограничено той частью, которая была объявлена приемлемой (см. пункты 5 и 81 выше), в частности, лишением заявительницы родительских прав решением от 3 октября 2013 года, оставленным без изменений в апелляционном порядке 25 февраля 2014 года. Однако для того, чтобы получить более широкое представление о событиях в деле заявительницы и надлежащим образом рассмотреть вышеупомянутое разбирательство, Суд должен поместить их в их контекст, что неизбежно означает, в некоторой степени, учет более ранних событий, как изложено в пунктах 8-56 выше (см. постановление Европейского Суда от 22 октября 2015 года по делу «Йованович против Швеции» (*Jovanovic v. Sweden*), жалоба № 10592/12, пункт 73, и постановление Европейского Суда от 20 июля 2017 года по делу «Лоренц против Австрии» (*Lorenz v. Austria*), жалоба № 11537/11, пункт 42).

2. Лишение родительских прав

(а) Доводы сторон

(i) Заявительница

83. Заявительница утверждала, что лишение ее родительских прав в отношении детей полностью разорвало ее связи с ними и представляло собой неоправданное вмешательство в ее право на уважение личной жизни.

84. Заявительница утверждала, в частности, что данная мера не соответствовала закону. Она отметила, что статья 69 СК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований для лишения родителя родительских прав (см. пункт 73 выше). Более того, в постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 с изменениями, внесенными 6 февраля 2007 года, Верховный Суд четко заявил, что лишение родительских прав может иметь место только в случае неподобающего поведения родителей (см. пункт 75 выше). Она настаивала на том, что она никогда не пренебрегала своими родительскими обязанностями и не избегала их, и что, вопреки выводам национальных судов, которые установили, что она несет ответственность за отсутствие связи со своими детьми, отсутствие данной связи было вызвано тем, что ей постоянно и произвольно отказывали в доступе к детям, а не тем, что она избегала своих родительских обязанностей. Более того, суды не смогли доказать, что она неподобающе себя вела. Таким образом, по мнению

заявительницы, в национальном законодательстве не было оснований для лишения ее родительских прав.

85. Заявительница также утверждала, что такое вмешательство не являлось «необходимым в демократическом обществе». В частности, это была слишком радикальная мера, поскольку она эффективно и окончательно ограничивала ее контакты с детьми. Власти не рассматривали какие-либо менее строгие альтернативные меры и не учитывали наилучшие интересы детей. Что касается их наилучших интересов, заявительница опиралась на заключения психологических экспертиз в отношении детей, проведенных в контексте разбирательств в 2010 и 2012 годах (см. пункты 20 и 36-37 выше), которые ясно показали, что детям нужна любовь и забота их матери, что разрыв естественных связей между ними и заявительницей мог спровоцировать пагубные последствия, которые отрицательно повлияли бы на их жизнь, и что заявительница должна иметь беспрепятственный доступ к ним. Таким образом, лишение ее родительских прав явно не отвечало наилучшим интересам детей.

86. Заявительница признала, что ввиду того, что ей было отказано в контакте со своими детьми в течение длительного периода времени, ей было необходимо время, чтобы постепенно восстановить свои эмоциональные связи с ними; для этого ей нужно было посещать своих детей и проводить с ними время. Лишение ее родительских прав не только не служило этой цели, но и еще больше оттолкнуло ее от детей, фактически уничтожив любые оставшиеся семейные связи между ними.

87. Заявительница также утверждала, что национальные суды не смогли привести «настоящие и убедительные» причины для обоснования обжалуемой меры. В частности, суды не имели оснований считать ее ответственной за неспособность поддерживать контакт со своими детьми и полагаться на этот факт в качестве доказательства того, что она избегала своих родительских обязанностей. Она подчеркнула, что с тех пор как родственники ее покойного мужа насильно разлучили ее с детьми, она постоянно добивалась доступа к детям и их возвращения. Во всех трех судебных разбирательствах, а также в двух исполнительных производствах она постоянно осведомляла власти о конфликте между ней и родственниками ее покойного мужа, об их враждебном отношении к ней и о том, что они настроили детей против нее и полностью исключили ее из их жизни, затрудняя все контакты, включая телефонные звонки. Несмотря на все ее усилия, власти по-прежнему бездействовали и не предприняли никаких мер для облегчения контактов между ней и детьми. В частности, решение от 10 августа 2010 года и решение от 31 января 2012 года не вступили в силу, несмотря на многочисленные ходатайства заявительницы. Кроме того, в третьем судебном разбирательстве, состоявшемся в 2013 году и лишившем ее

родительских прав, национальные суды признали ее ответственной за отсутствие контактов между ней и детьми. Она утверждала, что этот вывод не был основан на правильной оценке фактов, и что национальные суды не установили справедливый баланс.

88. Наконец, заявительница утверждала, что процесс принятия решений был серьезно скомпрометирован, поскольку национальные суды не смогли выяснить мнение всех ее детей. Она отметила, что на слушаниях 2013 года были заслушаны только ее две старшие дочери. Однако четверо других детей – Т., 2000 года рождения, Эл., 2002 года рождения, Ир., 2003 года рождения, и Р., 2006 года рождения – были достаточно взрослыми, чтобы выразить свое мнение в ходе рассматриваемого разбирательства, поскольку вопрос лишения их матери родительских прав явно затронул их право на уважение семейной жизни. В связи с этим она ссылалась на постановление Европейского Суда от 2 февраля 2016 года по делу «Н.Ц. и другие против Грузии» (*N.Ts. and Others v. Georgia*), жалоба № 71776/12. Кроме того, две ее дочери – Т. и Эл., которым на тот момент было тринадцать и одиннадцать лет – не были заслушаны в нарушение статьи 57 Семейного Кодекса Российской Федерации, которая предусматривала, что мнение ребенка старше десяти лет должно быть принято во внимание (см. пункт 69 выше). Она также заявила, что соответствующие психологические или психиатрические освидетельствования независимыми экспертами должны были быть проведены в отношении всех шестерых детей. То, что не учитывалось мнение всех ее детей, неизбежно привело к тому, что любое рассмотрение их наилучших интересов было бы несоответствующим требованиям и односторонним.

(ii) *Власти*

89. Власти признали, что лишение заявительницы родительских прав в отношении ее детей представляло собой вмешательство в ее право на уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции; однако, по их мнению, это было оправдано в соответствии со вторым пунктом этой статьи. В частности, оно имело основу во внутреннем законодательстве, а именно, оно основывалось на статьях Семейного Кодекса Российской Федерации, на которые ссылались национальные суды в своих соответствующих решениях, в частности, на статью 69. Оно также преследовало цель защиты прав ребенка.

90. По мнению Властей, обжалованная мера была, кроме того, «необходимой в демократическом обществе»; она была пропорциональной и учитывала наилучшие интересы детей. В частности, они утверждали, что в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда, национальные суды имели больше возможностей для оценки актуальности и существа представленных

им доказательств, включая показания свидетелей. В связи с этим Власти отметили, что в своем решении от 3 октября 2013 года суд первой инстанции принял во внимание: свидетельские показания Э.Б., который утверждал, что после смерти ее мужа заявительница не заботилась о своих детях, не оказывала им финансовой поддержки, вела неправильный образ жизни и не предпринимала никаких попыток увидеться со своими детьми после вступления в силу решения от 31 января 2012 года; свидетельские показания заявительницы, которая признала, что ее дети не хотели иметь с ней никаких контактов; и свидетельские показания двух старших дочерей заявительницы, которые выразили желание продолжать жить со своим дядей Э.Б. и не вступать в контакт с заявительницей. Суд также принял во внимание тот факт, что в течение более полутора лет между решением от 31 января 2012 года и решением от 3 октября 2013 года заявительница не принимала никаких мер для улучшения отношений между ней и ее детьми; кроме того, он опирался на мнение органов опеки и попечительства и государственного прокурора, который заявил, что заявительница избегала своих родительских обязанностей и должна быть лишена родительских прав.

91. Власти также утверждали, что процесс принятия решений был справедливым, и что процессуальные права заявительницы были соблюдены. В частности: в судебном процессе у нее был представитель; у нее была возможность предоставить свои аргументы в устной и письменной форме; ее представитель подавал ходатайства и запросы, имел доступ ко всей соответствующей информации и документам. Власти утверждали, что свидетели заявительницы были допрошены, но они не назвали этих свидетелей. Они также указали, что двое из шести детей заявительницы были допрошены судом первой инстанции.

92. Что касается детей, которые не были допрошены, Власти, во-первых, указали, что статья 57 Семейного Кодекса Российской Федерации требует, чтобы дети, достигшие десяти лет, были вызваны и опрошены в суде, тогда как в соответствующее время только трое из шести детей достигли этого возраста. Во-вторых, в статье 57 Семейного Кодекса Российской Федерации упоминаются ситуации, когда согласие ребенка, достигшего десяти лет, является обязательным для действий, предпринятых в отношении него или ее; лишение родителя ребенка его родительских прав не относится к числу таких ситуаций, и поэтому, по мнению Властей, мнение ребенка по этому вопросу не было необходимым. Таким образом, по мнению Властей, те факты, что только двое детей заявительницы были допрошены в судебном заседании по делу о лишении родительских прав, и что в ходе этих разбирательств психологическая или психиатрическая экспертиза в отношении них не проводилась, не ставили под угрозу

процесс принятия решений и были совместимы с требованиями статьи 8 Конвенции.

93. Таким образом, Власти настаивали на том, чтобы было четко установлено, что заявительница не заботилась о своих детях, не поддерживала их в финансовом отношении, и что с ее стороны было зафиксировано виновное поведение, поскольку национальные суды не установили, что имели место какие-либо препятствия, мешающие ей общаться с детьми. Решение о лишении заявительницы родительских прав было принято в пределах свободы усмотрения Властей и не было произвольным; оно было принято с должным учетом мнения ее детей, которые не хотели общаться со своей матерью, и, учитывая все соответствующие обстоятельства, это отвечало их наилучшим интересам. В заключение Власти заявили, что в настоящем деле было достигнуто справедливое равновесие между всеми конкурирующими интересами, и обжалованная мера была пропорциональна преследуемой законной цели.

(b) Оценка Европейского Суда

94. Суд отмечает, во-первых, что по самой своей природе связь между заявительницей и ее детьми подпадает под понятие «семейная жизнь» для целей статьи 8 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 8 января 2013 года по делу «А.К. и Л. против Хорватии» (*A.K. и L. v. Croatia*), жалоба № 37956/11, пункты 51-52, и постановление Европейского Суда от 30 октября 2018 года по делу «С.С. против Словении» (*S.S. v. Slovenia*), жалоба № 40938/16, пункт 78).

(i) Вмешательство

95. Стороны не оспаривали тот факт, что лишение заявительницы родительских прав в отношении детей представляло собой вмешательство в ее право на уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Такое вмешательство является нарушением данного положения, за исключением случаев, когда такое вмешательство «предусмотрено законом», преследует одну из законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 8, и может считаться «необходимым в демократическом обществе» (см. среди прочих источников, упоминавшееся выше постановление по делу «Йованович против Швеции», пункт 74, или упоминавшееся выше постановление по делу «С.С. против Словении», пункт 79).

(ii) Было ли вмешательство «предусмотрено законом» и «преследовало ли законную цель»

96. Власти утверждали, что обжалованная мера основывалась на статье 69 Семейного Кодекса Российской Федерации (см. пункт 73 выше) и преследовала цель защиты прав детей заявительницы.

97. Европейский Суд сомневается, что в обстоятельствах настоящего дела толкование национальными судами статьи 69 Семейного Кодекса Российской Федерации в отношении оснований лишения заявительницы родительских прав может рассматриваться как «предсказуемое», или что оспариваемая мера была в интересах детей. Однако он считает, что эти вопросы тесно связаны с вопросом о том, была ли мера «необходимой в демократическом обществе», и поэтому считает целесообразным подход к делу с этой точки зрения (аналогичный подход см. в постановлении Европейского суда от 13 декабря 2007 года по делу «Эмоне и другие против Швейцарии» (*Emonet and Others v. Switzerland*), жалоба № 39051/03, пункт 78, и в постановлении Европейского суда от 6 октября 2015 года по делу «Н.П. против Республики Молдова» (*N.P. v. the Republic of Moldova*), жалоба № 58455/13, пункт 72.

(iii) *Необходимость в демократическом обществе*

(a) *Общие принципы*

98. Суд напоминает, что взаимное удовольствие, получаемое родителем и ребенком от общества друг друга, является одним из основных элементов «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции (см., например, постановление Европейского Суда от 2 октября 2018 года по делу «А.Б.В. против России» (*A.B.V. v. Russia*), жалоба № 56987/15, пункт 68. В настоящее время имеется широкий консенсус, в том числе в международном праве, в поддержку мнения о том, что во всех решениях, касающихся детей, превыше всего следует ставить наилучшие интересы детей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 6 июля 2010 года по делу «Нойлингер и Шурук против Латвии» (*Neulinger and Shuruk v. Latvia*), жалоба № 41615/07, пункт 135, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Икс против Латвии» (*X v. Latvia*), жалоба № 27853/09, пункт 96, ECHR 2013). Интересы ребенка предполагают необходимость сохранения связей ребенка с его или ее семьей, за исключением случаев, когда семья оказалась особенно неспособной, и это может нанести вред здоровью и развитию ребенка (см., например, постановление Европейского Суда от 14 марта 2017 года по делу «К.Б. и другие против Хорватии» (*K.B. and Others v. Croatia*), жалоба № 36216/13, пункт 143). Разорвать такие узы означает отрезать ребенка от его корней, что является оправданным только в очень исключительных обстоятельствах (см. постановление Европейского суда от 26 февраля 2004 года по делу «Гергюлю против Германии» (*Görgülü v. Germany*), жалоба № 74969/01, пункт 48; все должно быть сделано для сохранения личных отношений и, в случае необходимости, для «восстановления» семьи (см. постановление Европейского суда от 10 января 2017 года по делу «Каспер Новаковски

против Польши» (*Kasper Nowakowski v. Poland*), жалоба № 32407/13, пункт 75). В этом контексте Суд подчеркнул, в частности, обязанность государства принимать меры для максимально возможного сохранения связи между матерью и ребенком (см. постановление Европейского суда от 13 октября 2015 года по делу «С.Х. против Италии» (*S.H. v. Italy*), жалоба № 52557/14, пункт 48).

99. Пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, неодинаковы. Такая свобода усмотрения будет зависеть от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности затрагиваемых интересов. Хотя Суд признает, что власти пользуются широкими пределами свободы усмотрения при решении вопросов опеки, требуется внимательное изучение любых дальнейших ограничительных мер, таких как ограничения, налагаемые такими органами на родительские права доступа к ребенку, и любых правовых гарантий эффективной защиты права родителей и детей на уважение их семейной жизни. Такие дальнейшие ограничения влекут за собой опасность фактического ухудшения семейных отношений между ребенком и его родителями (см. постановление Европейского суда по делу «Кутцнер против Германии» (*Kutzner v. Germany*, жалоба № 46544/99, пункт 67, ECHR 2002-I, и постановление Европейского суда по делу «Хаас против Германии» (*Haase v. Germany*), жалоба № 11057/02, пункт 92, ECHR 2004-III (извлечения)).

100. При определении, была ли оспариваемая мера «необходимой в демократическом обществе», Суд должен рассмотреть, были ли в свете дела причины, приведенные для обоснования оспариваемой меры, «уместны и достаточны» в целях пункта 2 статьи 8 Конвенции. Он не может надлежащим образом оценить этот последний элемент, одновременно не определив, был ли процесс принятия решений справедливым в целом и обеспечивал ли он необходимую защиту интересов заявительницы, гарантированных статьей 8 (см., например, постановление Европейского Суда от 15 сентября 2011 года по делу «Шнайдер против Германии» (*Schneider v. Germany*), жалоба № 17080/07, пункт 93). Суд также рассмотрит вопрос о том, могли ли дети в соответствующих случаях выражать свое мнение (см., например, постановление Европейского Суда от 18 декабря 2008 года по делу «Савины против Украины» (*Saviny v. Ukraine*), жалоба № 39948/06, пункт 51).

(в) Применение этих принципов к настоящему делу

101. Суд с самого начала отмечает, что лишение заявительницы родительских прав разорвало связь матери и ребенка между заявительницей и ее детьми и стерло все родительские права, которые она имела в отношении них, включая право иметь с ними контакт. Суд подтверждает, что разделение семьи является очень серьезным

вмешательством (см. упоминавшееся выше постановление по делу «А.К. и Л. против Хорватии», пункт 62). Лишение человека его родительских прав является особенно радикальной мерой, которая лишает родителя его или ее семейной жизни с ребенком, что несовместимо с целью их воссоединения. Как отмечалось выше, такие меры должны применяться только в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы только в том случае, если они мотивированы главным требованием, касающимся наилучших интересов ребенка (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 10 сентября 2019 года по делу «Странд Лоббен и другие против Норвегии» (*Strand Lobben and Others v. Norway*), жалоба № 37283/13, пункт 209, постановление Европейского Суда от 17 июля 2012 года по делу «М.Д. и другие против Мальты» (*M.D. and Others v. Malta*), жалоба № 64791/10, пункт 76, и упоминавшееся выше постановление по делу «Н.П. против Республики Молдова», пункт 65).

102. Что касается фактов, национальные суды на двух уровнях юрисдикции установили, что заявительница не хотела заботиться о своих детях, поскольку она не смогла установить с ними контакт после вступления в силу решения суда от 31 января 2012 года, которое определило ее контакт с детьми, и потому что она не поддерживала их финансово. Суд оценит эти выводы в более общем контексте дела, принимая во внимание события, предшествовавшие мере, на которую была подана жалоба (см. пункт 82 выше).

103. Суд отмечает, что заявительница потеряла доступ к своим детям 15 февраля 2010 года в результате незаконных действий Э.Б., ее девера (см. пункт 9 выше). Ее заявления относительно этого инцидента и просьба о защите в правоохранительные органы, по-видимому, остались без ответа, и Власти не предприняли никаких действий в этой связи (см. пункт 12 выше).

104. Последующие события привели к постепенному разрыву связей между заявительницей и ее детьми. В частности, Э.Б. предпринял несколько попыток лишить заявительницу родительских прав в отношении ее детей. В первом судебном разбирательстве, которое закончилось решением от 10 августа 2010 года, оставленным без изменений в апелляционном порядке 14 сентября 2010 года, национальные суды отклонили его иск, ссылаясь на отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих, что заявительница не выполнила свои родительские обязательства. Суды постановили, что дети должны проживать с заявительницей по ее адресу (см. пункты 21-22 выше). Однако это решение не было исполнено, несмотря на многочисленные просьбы заявительницы, поскольку ответственный судебный пристав неоднократно отказывался начать процедуру принудительного исполнения (см. пункты 23-29 выше). Суд принимает к сведению утверждение Властей о том, что действия судебного

пристава, по-видимому, противоречили соответствующему внутреннему законодательству (см. пункт 30 выше).

105. Производство по лишению родительских прав в конечном итоге было возобновлено по просьбе Э.Б. На данном этапе Европейский Суд отмечает тот факт, что национальные суды двух уровней юрисдикции считают: во-первых, заявление о том, что заявительница несколько раз была замечена в автомобилях неизвестных мужчин – мужчин, которые, по-видимому, ее подвозили – является достаточным доказательством, чтобы сделать вывод о том, что она сожительствует с мужчиной и поэтому ведет «безнравственный» образ жизни; и, во-вторых, что еще более важно, ее якобы «безнравственный» образ жизни, то есть ее совместное проживание с мужчиной, представляли собой достаточные основания для возобновления разбирательства, касающегося ее родительских прав, на основании вновь открывшихся обстоятельств (см. пункты 31-32 выше). По мнению Суда, позиция национальных судов вряд ли может быть согласована с основными ценностями современного демократического общества. Он также с удовлетворением отмечает, что во втором судебном разбирательстве после возобновления разбирательства национальные суды отклонили вышеупомянутые утверждения как не относящиеся к основаниям для лишения родителя родительских прав, как это установлено в соответствующем национальном законодательстве (см. пункт 42 выше).

106. В решении от 31 января 2012 года, оставленном без изменений в апелляционном порядке 1 марта 2012 года, национальные суды вновь отклонили утверждение Э.Б. о том, что заявительница избегает своих родительских обязанностей, в отсутствие каких-либо достоверных доказательств этого утверждения, и отклонили его ходатайство о лишении ее родительских прав. В то же время, ссылаясь на тот факт, что к тому времени дети заявительницы жили с родственниками по отцовской линии в течение двух лет, суды постановили, что они должны жить по адресу Э.Б., назначили его их законным опекуном и определили договоренности о контакте между детьми и заявительницей (см. пункты 44-45 выше). Европейский Суд с обеспокоенностью отмечает, что ситуация, в которой суды отменили свои первоначальные выводы, прописанные в решении от 10 августа 2010 года, оставленном без изменений в апелляционном порядке 14 сентября 2010 года, о том, что дети должны жить со своей матерью (заявительницей), и постановили, что они должны жить со своими родственниками по отцовской линии, на самом деле была вызвана бездействием Властей в исполнительном производстве в вопросе этого решения.

107. Суд повторяет, что позитивные обязательства, присущие эффективному «уважению» к семейной жизни, могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения семейной

жизни даже в сфере отношений между отдельными лицами, в том числе принятие правовой нормы о регуляционной системе судебного механизма и аппарата принудительного исполнения судебных решений, защищающих права личности, и, в необходимых случаях, осуществление конкретных действий (см., среди прочего, постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Стасик против Польши» (*Stasik v. Poland*), жалоба № 21823/12, пункт 80). Суд неизменно придерживается мнения, что статья 8 Конвенции включает в себя как право родителя принимать меры с целью его воссоединения с ребенком, так и обязанность национальных властей принимать меры для содействия такому воссоединению (см., среди прочего, постановление Европейского Суда от 13 ноября 2012 года по делу «Ю.У. против России» (*Y.U. v. Russia*), жалоба № 41354/10, пункт 93, и постановление Европейского Суда от 18 июня 2019 года по делу «Хаддад против Испании» (*Haddad v. Spain*, жалоба № 16572/17, пункт 64). Кроме того, это позитивное обязательство начнет давить на компетентные органы с возрастающей силой, начиная с момента разлучения ребенка с родителем, и, таким образом, адекватность меры будет оцениваться по скорости ее осуществления, поскольку время в разлуке может иметь непоправимые последствия для отношений между ребенком и родителем, который не живет с ним или с ней (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Странд Лоббен и другие против Норвегии», пункт 208).

108. Европейский Суд также отмечает, что решение от 31 января 2012 года также не вступило в силу. Следует отметить, что к 1 марта 2012 года, когда это решение вступило в законную силу, заявительница не имела контактов со своими детьми в течение более двух лет со всеми вытекающими последствиями для отношений между ними, а также для физического и психологического благополучия детей. На этом фоне властям было особенно важно проявлять образцовое усердие и целесообразность при исполнении решения от 31 января 2012 года.

109. Тем не менее, несмотря на многочисленные ходатайства заявительницы о приведении в исполнение решения от 31 января 2012 года, исполнительное производство не началось до 6 августа 2012 года, то есть более чем через пять месяцев после даты, когда решение вступило в законную силу (см. пункты 46 и 50 выше). После его начала исполнительное производство продолжалось более шестнадцати месяцев, прежде чем оно было прекращено 9 декабря 2013 года. В течение этого времени ответственный судебный пристав лишь получил «письменное заявление» от Э.Б., в котором подтверждалось, что последний не будет препятствовать контакту заявительницы с ее детьми, и проинформировал Э.Б. о том, что он может быть привлечен к административной ответственности (см. пункт 51 выше). Никаких других шагов предпринято не было, несмотря на то, что заявительница

сообщила властям о враждебном отношении родственников ее покойного мужа к ней, их угрозах и отказе выполнять решение, а также неоднократно обращалась к судебным приставам за помощью в получении доступа к ее детям (см. пункт 52 выше). Такое явное и вопиющее бездействие в ситуации, когда, как отмечалось в предыдущем пункте, образцовое усердие и целесообразность со стороны властей имели решающее значение, поражает.

110. Кроме того, существенно, что на всех этапах разбирательства — три этапа судебного разбирательства и два этапа исполнительного производства — заявительница постоянно подтверждала свое намерение заботиться о своих детях, добивалась доступа к ним и их возвращения. Она неоднократно информировала компетентные внутригосударственные органы власти, в том числе правоохранительные органы, суды и службу судебных приставов, об очень напряженных отношениях между ней и родственниками ее покойного мужа, их враждебном отношении и угрозах физического насилия, ее опасениях в этом вопросе, а также о том, что эти родственники препятствовали общению между ней и ее детьми, включая разговоры по телефону. Заявительница также обратилась к компетентным органам за защитой и помощью в этом вопросе; в частности, во многих случаях она пыталась исполнить решения, вынесенные в ее пользу (см. пункты 12, 16, 18, 25, 28-29, 39, 47-48, 52-53 и 59 выше). Исходя из обстоятельств дела, ее усилия оказались тщетными, и ее заявления в основном оставались без ответа или отклонялись под различными предлогами (см. пункты 12, 26-29 и 54 выше). Полностью осознавая положение заявительницы, власти оставались пассивными и не предпринимали никаких ощутимых действий для обеспечения ее воссоединения со своими детьми и облегчения этого процесса (сравните с упоминавшимся выше постановлением по делу «Хадлад против Испании», пункт 72). Также следует отметить, что в отсутствие каких-либо значимых действий со стороны Властей заявительница сама пыталась обратиться к двум своим старшим дочерям, которые переехали в г. Грозный, чтобы продолжить обучение в колледже; однако эта попытка обернулась неудачей ввиду крайне негативного отношения девочек к матери (см. пункт 59 выше).

111. На этом фоне Европейский Суд поражен тем фактом, что в решении от 3 октября 2013 года, оставленном без изменения в апелляционном порядке 25 февраля 2014 года, национальные суды признали заявительницу ответственной за невозможность установить контакт с ее детьми (см. пункт 63 выше). Власти годами бездействовали, сталкиваясь с ее ситуацией, однако, придя к такому выводу, национальные суды решили вдобавок переложить ответственность за это вопиющее бездействие на заявительницу. Особое беспокойство вызывает то, что национальные суды ссылались

на этот вывод в качестве основания для оправдания лишения заявительницы родительских прав. Что касается другого вывода судов — о том, что заявительница не поддерживала своих детей финансово, — неясно, был ли он основан на каких-либо доказательствах, помимо утверждения Э.Б. Даже если предположить, что этот вывод был верным, Европейский Суд не считает, что заявительница должна была нести единоличную ответственность за это и что это может рассматриваться как достаточное основание для лишения ее родительских прав. В частности, учитывая давний конфликт между заявительницей и родственниками ее покойного мужа, в ходе национального разбирательства не было убедительно продемонстрировано, что у нее была реальная возможность оказать финансовую поддержку, пообщаться с родственниками покойного мужа и убедиться, что данная поддержка дойдет до ее детей. Фактически, суды лишь кратко сослались на неспособность заявительницы оказать финансовую поддержку ее детям, не разъясняя, как они пришли к этому выводу.

112. В свете вышеизложенного Европейский Суд отклоняет довод Властей о том, что в отсутствие каких-либо объективных препятствий заявительница не имела возможности связаться со своими детьми и оказать им финансовую поддержку (см. пункт 93 выше). Необоснованность этих судебных заключений настолько поразительна и ощутима даже на первый взгляд, что их можно рассматривать как исключительно произвольные. Опираясь на эти заключения в качестве основания для лишения заявительницы родительских прав, суды произвольно применяли соответствующие положения национального законодательства. В связи с этим Европейский Суд отмечает постановление от 27 мая 1998 года, в котором Верховный Суд Российской Федерации заявил, что только в случае доказанного виновного поведения родители могут быть лишены родительских прав по основаниям, установленным в статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации; что родители, не выполнившие свои родительские обязанности по независящим от них причинам, не должны быть лишены родительских прав; и что даже там, где было установлено виновное поведение родителей, лишение родительских прав не должно быть автоматическим (см. пункт 75 выше).

113. Суд также считает, что соответствующие судебные решения также были неполными, поскольку в них не было должного учета наилучших интересов детей. Следует отметить, что заключения психологических экспертиз детей, представленные в контексте разбирательств в 2010 и 2012 годах, показали наличие эмоциональных связей между заявительницей и ее детьми (см. пункт 20 выше), разрыв которых может привести к пагубным последствиям и негативно повлиять на будущую жизнь детей (см. пункт 37 выше), и отсутствие таких связей между детьми и их родственниками по отцовской линии

(см. пункты 20 и 36 выше). Однако в ходе данного освидетельствования никогда не запрашивалось экспертное заключение по таким важным вопросам, как степень привязанности детей к матери, влияние, которое может иметь на них разрыв всех связей с ней, ее родительские способности и т. д. на (сравните с упоминавшимся выше постановлением по делу «Странд Лоббен и другие против Норвегии», пункты 222-23). Не было приведено никаких причин, объясняющих, почему такая радикальная мера, как лишение единственного выжившего родителя родительских прав, отвечала бы интересам детей, и могут ли оправдать эту меру какие-либо весомые соображения, касающиеся их здоровья и развития. Более того, не было предпринято никаких попыток изучить эффективность менее радикальных альтернатив до того, как суд попытался разорвать связи между заявительницей и ее детьми, лишив ее родительских прав.

114. Фактически, суд первой инстанции ограничился краткой ссылкой на мнение двух старших дочерей заявительницы, которые заявили, что не хотят видеть свою мать, поскольку «она [опозорила] их» своей безнравственной жизнью (см. пункт 61 выше). Следует отметить, что в ходе предыдущих разбирательств суд критически оценил аналогичные показания дочерей заявительницы и отметил, что они жили со своим дядей Э.Б. в течение последних двух лет и не имели контактов с их матерью (см. пункт 43 выше). Тем не менее, в ходе разбирательства суд не высказался по этому вопросу, игнорируя доводы заявительницы о том, что она вообще не общалась со своими детьми, что родственники ее покойного мужа настроили детей против нее и что ее две старшие дочери отказались разговаривать с ней, когда она пыталась подойти к ним (см. пункт 59 выше).

115. Суд напоминает, что дети имеют право быть заслушанными по затрагивающим их вопросам. В частности, поскольку дети взрослеют и с течением времени учатся выражать свое мнение, суды должны придавать должную значимость их мнению и чувствам, а также их праву на уважение их семейной жизни (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2018 года по делу «Петров и Х против России» (*Petrov and X v. Russia*), жалоба № 23608/16, пункт 108). В то же время эти взгляды не обязательно являются неизменными, и их возражений, которым необходимо уделять должное внимание, не всегда достаточно для того, чтобы отвергать интересы родителей, особенно в теме, касающейся регулярных контактов с их ребенком. Право ребенка выражать свои собственные взгляды не должно толковаться как эффективное предоставление детям безусловного права вето без учета каких-либо других факторов и без проведения проверки для определения их наилучших интересов. Более того, если суд основывает свое решение на показаниях детей, которые явно не могут сформировать и сформулировать свое мнение относительно своих желаний, например, из-за противоречивых представлений о

верности или их подверженности отчужденному поведению одного из родителей – такое решение может противоречить статье 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «К.Б. и другие против Хорватии», пункт 143, и цитируемые в нем прецеденты).

116. Европейский Суд также отмечает, что никто из четырех других детей заявительницы – Т., 2000 года рождения; Эл., 2002 года рождения; Ир., 2003 года рождения, и Р., 2006 года рождения, – не был заслушан национальными судами при рассмотрении дела. Он отмечает довод заявительницы о том, что неспособность суда первой инстанции заслушать Т. и Эл., которым на тот момент было тринадцать и одиннадцать лет, нарушила соответствующие требования внутреннего законодательства (см. пункты 69 и 88 выше). Более того, не было получено экспертного заключения в отношении двух младших детей, Ир. и Р., о том, возможно ли, учитывая их возраст и зрелость, провести с ними беседу в суде с помощью специалиста по детской психологии, если необходимо.

117. В свете вышеизложенного. Суд считает, что в процессе принятия решения были допущены недостатки и, следовательно, не было возможности установить наилучшие интересы детей.

118. Таким образом, Суд заключает, что национальные власти превысили пределы свободы усмотрения, предоставленные им в соответствующей области. Лишение заявительницы родительских прав было произвольным и явно несопоставимым с законной целью, на которую она опиралась. Отсюда следует, что вмешательство в ее право на уважение семейной жизни не было «необходимым в демократическом обществе». Такое произвольное вмешательство в одно из основополагающих конвенционных прав не должно происходить в демократическом государстве, регулируемом верховенством права.

119. Соответственно, было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

120. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

121. Заявительница требовала 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. По ее словам, она страдала от стресса, отчаяния и

депрессии из-за продолжающейся разлуки с детьми и отсутствия каких-либо контактов с ними.

122. Власти утверждали, что права заявительницы не были нарушены, и ей не полагается компенсация.

123. Суд отмечает, что было установлено нарушение права заявительницы на уважение ее семейной жизни в связи с тем, что власти произвольно лишили заявительницу ее родительских прав. Суд считает, что заявительнице был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом установления нарушения. Принимая во внимание все вышеуказанные обстоятельства и производя оценку на справедливой основе, Суд считает разумным присудить заявительнице 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться указанная сумма.

Б. Расходы и издержки

124. Интересы заявительницы в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России» и «Астрей». Заявительница также требовала выплаты в 13 943,88 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в национальных судах и в Европейском Суде. Она представила подробный счет-фактуру о расходах и издержках, которые включали: общую сумму 12 850 евро за 220 часов, которые юристы из вышеупомянутых организаций потратили на подготовку и представление ее дела на национальном уровне и в Суде, 197,38 евро за международную курьерскую доставку в Суд и 899,50 евро на административные расходы (7% от юридических расходов).

125. Власти оспорили эту сумму, утверждая, что расходы не могли быть признаны фактически понесенными, поскольку соглашение между заявительницей и ее представителями предусматривало, что вышеупомянутая сумма подлежит оплате только в том случае, если Суд примет решение, устанавливающее нарушение ее права.

126. В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда заявительница имеет право на возмещение расходов и издержек только в той мере, в какой она доказала, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункт 130, ECHR 2016, и, из недавних дел, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia Georgia*), жалоба № 72508/13, пункт 370, ECHR 2017). Расходы на представителя считаются фактически понесенными, если заявительница оплатила их или обязана их

оплатить (см. постановление Европейского суда от 17 июня 2004 года по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*), жалоба № 58278/00, пункт 122, и упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии», пункт 372). Учитывая имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить сумму в 9000 евро, покрывающую расходы по всем статьям, плюс любой налог, который может быть взыскан с заявительницы и который будет перечислен непосредственно на банковский счет представителей заявительницы.

В. Проценты за просрочку платежа

127. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. признал данную жалобу приемлемой;
2. постановил, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с лишением заявительницы родительских прав;
3. постановил:
  - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
    - (i) 30 000 евро (тридцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
    - (ii) 9 000 (девять тысяч) евро в качестве компенсации расходов и издержек заявительницы, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, которая подлежит перечислению на банковский счет представителей заявительницы;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной

процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

4. *отклонил* остальную часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 8 октября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент Э. Де Газтано
Председатель